

Библиографический список

Ершов А. В. Процесс реформирования госаппарата КНР: использование новых технологий // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 73—85.

Ершов А. В. Влияние идеологии и экономических задач на практику государственного строительства КНР // Ориенталистика. 2022. Т. 5. № 4. С. 822—838.

Ершов А. В. Реформа Госсовета 2023: Финансовый и социальный вопросы реформирования государственных органов КНР // Исторические события в жизни Китая и современность. Выпуск VIII. Материалы научной конференции Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией (Москва, 17 апреля 2023 г.) / отв. ред., сост. Н. Л. Мамаева. М.: ИКСА РАН, 2023. С. 35—48.

Информационные ресурсы и агентства

Baidu Baike <https://baike.baidu.com/>

Baijiahao <https://baijiahao.baidu.com/>

Eastmoney <https://finance.eastmoney.com/>

Sohu <https://www.sohu.com/>

Жэньминь жибао <http://paper.people.com.cn/>

Синьхуа. Новости Шаньдуна <http://www.sd.xinhuanet.com/>

Сычуань Онлайн <https://sichuan.scol.com.cn/>

Хайбао синьвэнь <https://hb.dzwww.com/>

Чжэнцюань шибао <https://stcn.com/>

Экспертно-аналитические центры и государственные агентства

Chongqing Municipal People's Government <https://www.cq.gov.cn/>

Guangzhou Municipal Commerce Bureau <https://sw.gz.gov.cn/>

Национальная политика Китая

Достижения вместо стратегии

В самом конце 2023 г. пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала примечательный документ, озаглавленный «Стратегия КПК по управлению Сицзаном в новую эпоху: практика и исторические достижения». Предполагалось, что он даст исчерпывающие ответы на вопросы, какие

цели ставит перед собой Китай в Тибетском автономном районе и какими методами эти цели планируется достичь. Интерес к документу подогревало то, что в 2023 г. руководством КНР был окончательно взят курс на изменение фундаментальных основ этнонациональной политики и переход от обеспечения равноправного развития всех народов страны и сохранности их культуры и традиционного образа жизни в рамках концепции «единства в многообразии» на создание «плавильного котла» общегражданской нации, в котором эти особенности должны исчезнуть, для того чтобы стать фундаментом «общекитайской нации» 中华民族 [Михалев 2024: 53].

Не секрет, что Тибетский автономный район (ТАР) на протяжении всей истории Китайской Народной Республики является ее своеобразной ахиллесовой пятой. По тому, каким образом и на основе каких принципов решается проблема межнациональных отношений в этом регионе на том или ином этапе, можно судить о стратегии правительства в данной сфере в целом. По этой причине официальный документ в жанре «белой книги», посвященный политике КПК в отношении ТАР, должен был пролить немного света на то, каким образом реализуются пожелания Председателя КНР в области этнонациональной политики в настоящее время, и предположить, как они будут реализовываться в ближайшем будущем. Важно, что политика Китая в отношении Тибета представляет особый интерес и для международной аудитории, потому не случайно, что стратегия КПК была сразу же опубликована на сайте пресс-канцелярии Госсовета КНР на английском языке¹. В свою очередь, обнародование данного документа сопровождалось заявлениями целого ряда официальных лиц, а в некоторых случаях представители дипломатического корпуса КНР самого высокого ранга даже подготовили специальные статьи для СМИ, в которых зарубежной аудитории разъяснялись основные положения².

К сожалению, приходится констатировать, что текст Белой книги и почти все разъяснения к нему оказались почти полностью посвященными прошлому региона. Ни одного намека на то, как может выглядеть стратегия КПК в отношении, возможно, самого чувствительного из всех автономных регионов страны, в нем не содержится. Утверждается лишь, что пристальное внимание со стороны центрального правительства в будущем должны получить именно «приграничные регионы», определение и границы которых в Китае трактуются довольно широко [Михалев 2022:

¹ CPC Policies on the Governance of Xizang in the New Era: Approach and Achievements. 10.11.2023. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202311/10/content_WS654db703c6d0868f4e8e120d.html (дата обращения: 15.03.2025).

² Чжан Ханьхуэй. Россия понимает позицию Китая по тибетскому вопросу. 07.12.2023. URL: <https://tass.ru/opinions/19470033> (дата обращения: 15.03.2025).

11], при этом самым важным из этих регионов, от состояния которого зависит порядок в стране в целом, является именно Тибет¹.

Принято говорить, что в китайских правительственных документах «отсутствующее» часто может быть важнее «присутствующего». Думается, что это преувеличение, вызванное подчеркнуто ритуальным характером большинства официальных формулировок, отсутствием ценной практической информации в текстах отчетов и заявлений, а также желанием зарубежных исследователей составить обоснованное мнение о сути обсуждаемой проблемы. В конечном счете, однако, подобный подход приводит лишь к мистификации источника, ложным интерпретациям, созданию вымышленных конструктов и, как следствие, искаженному пониманию фактической ситуации, которое быстро становится каноническим в условиях отсутствия альтернативных источников информации.

«Стратегия КПК по управлению Сицзаном в новую эпоху: практика и исторические достижения» не является в этом смысле исключением. Как представляется, будет ошибкой искать в этом пространном тексте то, чего в нем нет, полагая, что отсутствие каких-либо деталей по поводу перемен в политике центра в отношении данного региона является особой тактикой шифрования, которая применяется для того, чтобы донести какие-то скрытые послания международной аудитории. Скорее, такого видения у составителей документа действительно нет, как нет и четкого понимания новых целей, задач и методов реализации политики в отношении Тибета и у высшего руководства страны. Ситуация эта для исследователя, впрочем, не является полностью безнадёжной. В отсутствие ясного целеполагания можно предположить, что детальный рассказ о недавнем прошлом ТАР со скрупулезным перечислением выдающихся достижений свидетельствует о том, что, несмотря на провозглашение высшим руководством страны смены приоритетов в этнонациональной политике, в действительности преемственность с предыдущим курсом в этой сфере будет сохранена.

При беглом взгляде на текст «Стратегии КПК по управлению Сицзаном в новую эпоху: практика и исторические достижения» этот тезис вроде бы подтверждается. Несмотря на то, к примеру, что в последних выступлениях Председателя Си постоянно содержится призыв уделять приоритетное внимание укреплению идеологической составляющей политики партии, инерция государственной машины и ее атрофировавшаяся способность к интеллектуальной рефлексии приводят к тому, что акцент, как и раньше, делается сугубо на экономических показателях. При этом

¹ CPC Policies on the Governance of Xizang in the New Era: Approach and Achievements. 10.11.2023. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202311/10/content_WS654db703c6d0868f4e8e120d.html (дата обращения: 15.03.2025).

пространные и иногда даже вычурные формулировки, встречающиеся в самом документе и в разъяснениях к нему¹, обязательно подкрепляются сухими данными статистики. Все это призвано показать, что все последние годы, особенно начиная с 2012 г., Тибет семимильными шагами движется в сторону экономического процветания и социальной стабильности и что именно это движение отражает истинные чаяния и надежды его населения. Обязательные данные о росте ВВП соседствуют здесь с утверждениями о том, что в регионе ускоренными темпами развивается цифровая экономика². Показатели охвата электрическими сетями перемежаются отчетами о том, что в ТАР установлено рекордное число базовых станций стандарта 5G³. Сведения о километраже построенных и отремонтированных дорог удачно дополняются рассказами о возрастающей роли Тибета во внешней торговле Китая благодаря расширению порта Гьиронг⁴.

Как итог, подчеркивается в «Белой книге», доходы граждан в Тибете выросли почти в три раза по сравнению с 2012 г.⁵. В сугубо положительном ключе повествуется и о том, что в регион за последние годы было направлено почти 12 тыс. «чиновников и специалистов», а также о том, что за последние десять лет число туристов возросло в 3 раза и достигло отметки в 30 млн человек⁶. Правительство Китая как бы не замечает того, что именно наплыв «специалистов и чиновников» из центральных районов КНР, а также эксплуатация традиционной культуры коренного населения Тибета, достигающая катастрофических размеров и принимающая гротескные формы благодаря резкому росту туристических посещений ТАР, вызывают самую резкую критику политики властей КНР в регионе.

В других разделах Белой книги также содержатся упоминания о «достижениях», которые могут быть в лучшем случае истолкованы как сомнительные, в худшем же их и вовсе следует признать работающими на западную пропаганду, весьма утрированно и при этом крайне предвзято изображающую особенности социально-экономического развития Тибета на современном этапе. Так, с гордостью сообщается, что в чувствительном приграничном регионе с выраженной этнической и религиозной

¹ Чжан Ханьхуэй. Россия понимает позицию Китая по тибетскому вопросу. 07.12.2023. URL: <https://tass.ru/opinions/19470033> (дата обращения: 15.03.2025).

² CPC Policies on the Governance of Xizang in the New Era: Approach and Achievements. 10.11.2023. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202311/10/content_WS654db703cd0868f4e8e120d.html (дата обращения: 15.03.2025).

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

спецификой «возросло число образовательных мероприятий, посвященных истории КПК, истории КНР, теории реформ, истории социалистического развития и истории неразрывной связи Тибета с остальными частями страны»¹. Упоминается и о том, что «в 2021 г. построен мемориальный зал, посвященный мирному освобождению Тибета», а музеи и выставки были превращены в образовательные базы для «культивирования социалистических ценностей»². В то же время, как можно узнать из текста Белой книги, сразу восемьдесят деревень ТАР были включены в список «традиционных китайских деревень»³.

С точки зрения составителей документа, к безусловным достижениям партии относятся и строительство в Тибете тематического парка на тему единого Китая, и создание таких произведений песенно-танцевального жанра, как «Привязанность тибетцев к КПК» и «Горечь превращается в сладость при появлении КПК», а также документального фильма «Партия озаряет светом приграничный регион». С чувством глубокого удовлетворения отмечается, что тибетская медицина в КНР теперь стандартизирована, регламентирована и приносит стране значительную прибыль, а тибетский буддизм «успешно адаптируется к социалистическому обществу»⁴. Утверждается, что, «воодушевившись курсом партии, крестьяне “спонтанно” предлагают включить этническую солидарность в качестве закона на уровне местных сообществ». «Культивирование патриотических талантов в среде монахов и монахинь», о котором также упоминается в Белой книге, представляется в этих условиях абсолютно логичным шагом, особенно принимая во внимание успехи, достигнутые благодаря введению «Детальных правил по реализации мер по управлению процессом реинкарнации живых будд в тибетском буддизме», разработанных и утвержденных с целью «улучшения управления монастырями и продвижения религиозной гармонии».

Не вызывает сомнений и то, что «индекс безопасности людей в регионе уже много лет превышает 99 процентов»⁵. Возможно, этому способствует то, что в этом высокогорном, горностепном крае всего за шесть лет, с 2016 по 2022 г., насадили более 500 тыс. га лесов, которые никогда здесь не произрастали. Подразумевается, что благодаря этому с 2016 г. количество дней с отличным качеством воздуха постоянно достигает того же самого показателя 99 процентов⁶.

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

Рождение «Сицзана»

Лишенный каких-либо конкретных намеков на будущее, представляющий собой набор привычных штампов, этот очередной официальный документ пресс-канцелярии Госсовета КНР, скорее всего, остался бы незамеченным, однако произошло непредвиденное. «Стратегия КПК по управлению Сицзаном в новую эпоху: практика и исторические достижения» вновь всколыхнула обсуждение тибетского вопроса и запустила довольно жаркую дискуссию не только в самом Китае, но и за его пределами. Всеми виной не статистические выкладки, которыми документ изобилует, и не программные заявления, которых, как уже было отмечено, в нем почти не было. Всеми виной лишь одно слово в заголовке, которое было неоднократно использовано и в самом тексте документа. Слово это — «Сицзан (Xizang)». Несмотря на то, что английская транслитерация китайского названия региона 西藏 иногда использовалась и до этого времени¹, она привлекла повышенное внимание международного сообщества именно в этот раз.

С одной стороны, на интенсивность реакции повлиял тот факт, что после опубликования Белой книги многие официальные СМИ Китая перестали употреблять в своих публикациях на английском языке слово «Tibet», последовательно заменяя его на «Xizang». Несмотря на то, что никаких официальных рекомендаций не последовало, а правила написания географических названий в зарубежных странах не изменялись, иностранным студентам, обучающимся в Китае, было разъяснено, что им также следует избегать упоминаний о «Тибете», когда речь идет о «Сицзане», а в английских аннотациях к китайским научным статьям, в том числе по сельскому хозяйству и метеорологии, также стали использовать слово «Сицзан», хотя в прошлом оно употреблялось крайне редко и притом, как правило, лишь в случае недостаточного знания автором особенностей английского языка. Можно предположить, что в данном случае сработала упомянутая выше привычка поиска в текстах официальных документов «скрытых смыслов», якобы имеющих между строк и среди пробелов. Что-то подсказывало работникам СМИ и кураторам образовательных учреждений, что на этот раз пресс-канцелярия Госсовета КНР не просто так столь настойчиво использовала в важнейшем официальном документе режущий ухо неоднозначный термин для обозначения Тибетского автономного района.

Сигнал не прошел незамеченным даже в российских СМИ, в том числе и в государственных, которые поспешили представить читателям

¹ Xizang's new Party chief meets press as region invites world to visit — with unbiased views. 20.10.2021. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202110/1236850.shtml?utm_source=substack&utm_medium=email (дата обращения: 15.03.2025).

новое имя Тибета¹. Несмотря, а возможно и благодаря этим неуклюжим попыткам объяснить, в чем, собственно, суть, переименование региона в русскоязычных СМИ выглядело как стилистическая, историческая и политическая нелепость, вызванная избыточным желанием угодить китайским партнерам даже в том случае, когда сами они на этом не настаивают. В конце концов, никому не приходит в голову писать «Сакартвело» вместе «Грузия», «Бхарат» вместо «Индия» или «Дойчланд» вместо «Германия» только потому, что в самих этих странах приняты подобные самоназвания.

В то же время западные СМИ, которые уже привыкли мыслить в категориях «культуры отмены», ожидаемо разглядели в новой терминологии Белой книги по Тибету воплощение именно этой самой «культуры», однако воплощение с китайской спецификой. Тибет, с их точки зрения, может быть в результате подобным образом попросту «отменен» правительством КНР. В зарубежных и эмигрантских СМИ появились многочисленные статьи, посвященные угрозе исчезновения привычного наименования региона из официального и общественного дискурса в Китае². Не довольствуясь констатацией факта смены названия, авторы этих публикаций выдвигали собственные предположения по поводу того, что стало причиной подобных действий со стороны китайского правительства и какие последствия «отмена» привычного английского имени будет иметь для Тибета и «тибетского вопроса». Как правило, все они сходились на том, что подмена произошла не случайно и последствия могут быть самыми серьезными, при этом высказывалась озабоченность по поводу того, что тибетский народ таким образом может быть лишен идентичности³.

Сами того, возможно, не желая, многочисленные зарубежные комментаторы достигли прямо противоположных целей, своими догадками и предположениями подтвердив справедливость некоторых опасений китайских властей. Разбор этимологии слов «Сицзан» и «Тибет», к примеру, лишний раз доказал, что зарубежные правозащитники и представители тибетской диаспоры придерживаются той точки зрения, что под Тибетом, к независимости которого от КНР многие из них призывают официально или

¹ Косырев Д. Запад в ярости: Китай переименовал Тибет. 14.12.2023. URL: <https://ria.ru/20231214/tibet-1915679553.html?ysclid=m7yhm16vy450378733> (дата обращения: 15.03.2025).

² ‘Xizang’ now dominates China’s media coverage of Tibet. 10.12.2023. URL: <https://www.tibetanreview.net/xizang-now-dominates-chinas-media-coverage-of-tibet/> (дата обращения: 15.03.2025).

³ ‘China destroying our identity’ say Tibetans as Beijing refers to Tibet as ‘Xizang’ in white paper. 10.12.2023. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/china-destroying-our-identity-say-tibetans-as-beijing-refers-to-tibet-as-xizang-in-white-paper/articleshow/105877465.cms> (дата обращения: 15.03.2025).

полуофициально, следует понимать территорию, значительно превышающую собственно территорию ТАР. С их точки зрения, она должна включать в себя все районы, где компактно проживает тибетское население, включая значительную часть провинций Сычуань, Юньнань, Ганьсу и Цинхай, которые они абсолютно произвольно включают в гипотетический «Большой Тибет», что не имеет под собой никаких исторических или политических оснований. В конце концов в современном мире не принято устанавливать административные и тем более государственные границы на основе этнографических карт, а власть Лхасы никогда не распространялась на все те территории расселения тибетоязычного населения Китая, о которых говорят зарубежные общественные деятели и эксперты.

Ажиотаж в зарубежных СМИ вкупе с требованием пересмотра границ в результате привел к прямо противоположным результатам, предоставив важные козыри в распоряжение китайского правительства. С его точки зрения, повышенное международное внимание к проблеме названия региона с акцентом на то, что под термином «Тибет» следует понимать все территории, на которых проживает говорящее на тибетском языке население, в то время как «Сицзан» следует относить лишь к территории ТАР, свидетельствует о том, что за мнимой заботой о культурном и социальном благополучии тибетского народа стоят прежде всего геополитические интересы антикитайских кругов. В целях ослабления Китая им выгодно подпитывать реваншистские настроения в среде тибетской эмиграции. Довольно оперативно была подготовлена подробная статья с разъяснениями вопроса со стороны китайских экспертов, которая была нацелена на международную аудиторию¹. В ней еще раз, и теперь довольно конкретно, подтверждалось, что правительство Китая считает, что на английском языке Тибет должен называться исключительно «Сицзан», так как это позволяет избежать использование зарубежными странами проблем коренного населения региона в своих внешнеполитических целях.

Аргументы, которые использованы в статье, выглядят все еще довольно шаткими. При прочтении складывается ощущение, что никаких серьезных исторических, культурных или политических причин, обосновывающих необходимость изменения англоязычного названия региона, в распоряжении китайского правительства на настоящий момент все же нет. Однако неконструктивная и при этом в еще меньшей степени подкрепленная научными или юридическими обоснованиями позиция, занятая зарубежными протибетскими СМИ, показывает, что подобным образом

¹ *Xu Zeyu*. Why China Drops “Tibet” for “Xizang”. 20.03.2024. URL: https://www.sinicalchina.com/p/why-china-drops-tibet-for-xizang?utm_source=post-email-title&publicationid=616982&post_id=141027604&utm_campaign=email-post-title&isFreemail=true&r=3gc707&triedRedirect=true (дата обращения: 15.03.2025).

центральные власти отстаивают не только территориальную целостность своей страны, но и выступают за сохранение исторической справедливости перед лицом тибетского реваншизма.

Конструирование реальности

Может сложиться впечатление, что в вопросе наименования Тибета обе стороны — и официальный Пекин, и его зарубежные критики — занимают неконструктивную позицию, а сам спор о словах является полностью беспредметным. Так ли это на самом деле и в чем истинная подоплека неожиданной «войны терминов», которая стала заметным явлением в сфере этнонациональной политики КНР в 2024 г.?

Здесь необходимо вспомнить, что преувеличенное внимание к названиям географических объектов, когда словам придается особый, почти сакральный смысл, можно вообще считать приметой нашего времени. Продиктовано это тем, что в рамках постмодернистского взгляда на мир, в эпоху тотальной медиатизации лишь упрочившего свои позиции, тождественность явления и его репрезентации, в том числе словесной, не просто ставится под сомнение, но и считается архаизмом. Отражение объективной действительности в зеркале слов и иного рода абстракциях объявляется данностью более высокого уровня, а порожаемое ими «представление» о действительности формирует общественный дискурс, который в результате оказывается более значимым, чем она сама. В мировой политике, которая по своей природе сама является абстракцией, эта тенденция особенно заметна. Она и порождает целую череду вроде бы лишенных практического смысла переименований, за которыми, однако, проглядывает инфантильное по своей природе желание управлять реальностью росчерком пера, которое в этом случае выглядит, а иногда и впрямь является волшебным. В связи с этим можно вспомнить недавнее переименование Мексиканского залива в Американский, таблички с надписью «Bharat» на международных мероприятиях в Индии и бесконечные баталии по поводу предлогов «в» и «на», которые должны стоять перед упоминанием Украины.

С другой стороны, подобный подход к словам не чужд и китайской интеллектуальной традиции, где о необходимости исправления имен говорил уже Конфуций. С той лишь разницей, что он предупреждал об опасности, исходящей от бесконечного жонглирования терминами, ведущего в конечном счете к тому, что мир фактов и мир слов перестают соответствовать друг другу. В итоге, полагали в Древнем Китае, это становится помехой на пути к самосовершенствованию и мешает грамотному управлению государством. Названию как символическому отражению реальности в мире слов, таким образом, также придавалось особое, почти мистическое значение. Однако задача правителя виделась не в том, чтобы посредством произвольного имянаречения конструировать реальность в желательном для себя ключе, а в том, чтобы этой самой реальности соответствовать.

Несмотря на кажущееся противоречие в базовых посылах, классический подход китайцев к управлению государством и современная практика подмены факта или явления образом в целом не противоречат друг другу. В конце концов они сходятся в том, что имя того или иного явления так же важно, как и само явление. Вполне возможно, что оно даже превосходит его по значимости с точки зрения общества как совокупности индивидов, использующих символический язык слов для коммуникации и взаимодействия, формирования отношения к окружающей действительности и активному на нее воздействию. А раз так, то и спор о словах — это не просто упражнение в красноречии или оторванная от жизни «игра в бисер». Это итог и манифестация «верховенства мнимости», о котором пишет в своей статье известный синолог В.В. Малявин [Малявин, Казанцев 2023]. А посему это еще и ключ к объективной действительности и возможность формировать ее в том виде, который будет соответствовать потребностям той или иной политической или социальной силы. И в этом смысле спор о словах — это не разговор о далеком прошлом, а построение близкого будущего. Это, можно сказать и так, *конструирование реальности*.

Парадоксально, но в случае с «переименованием» Тибета в Сицзан китайское правительство и его зарубежные критики не просто оказались в рамках одного и того же дискурса, но и в конечном счете усилили позиции друг друга. Каждая из сторон, подлив масла в огонь затухающего спора о принадлежности Тибета, помогла другой оправдать свое существование в условиях стагнации идей и дефицита смыслов. Китайские эксперты, перед которыми глава государства поставил цель усилить идеологическую составляющую этнонациональной политики, уже давно не могут выйти за рамки традиционного «супового набора» из километров построенных железных дорог, тысяч тонн выплавленной стали и количества вышек сотовой связи. В этих условиях игра с терминами и резкая риторика со стороны зарубежных СМИ позволяют им отчитаться о серьезном прорыве, не выдвигая никаких новых идей и не предпринимая никаких по-настоящему серьезных усилий. Зарубежные же участники дискуссии, все последние годы безуспешно пытающиеся оспорить действительное улучшение качества жизни в китайском Тибете измышлениями по поводу «предполагаемого» угнетения коренного населения региона, благодаря тому же спору о терминах могут вновь громко заявить о себе. Их при этом несколько не смущает тот факт, что делают они это, раздувая вопрос о важности английского наименования региона для тех, кто, как справедливо отмечают по этому поводу китайские специалисты, никогда и не задумывался о том, что их страну где-то называют английским словом «Tibet», а их самих — «Tibetans»¹.

¹ Ibid.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что движения в сторону создания единой общекайтайской нации 中华民族 и усиления теоретической работы в этом направлении, к чему все последнее время призывает ученых-обществоведов и чиновников высшее руководство Китая в лице лидера страны Си Цзиньпина, пока не наблюдается. В условиях дефицита идей и заикленности государственного аппарата на показателях экономического роста единственным способом придать остроту дискуссии становится конструирование реальности через исправление имен. Проистекающее из философской традиции Китая, но при этом деформированное постмодернистским культом верховенства мнимости, это конструирование, однако, оказывается интересно лишь тем силам за пределами КНР, которые видят смысл своего существования в противопоставлении себя Китаю, черпая силы и обретая плоть в этой растянувшейся на долгие годы борьбе. Для всех же остальных, включая Россию, спор о том, как следует писать имя региона по-английски, Xizang или Tibet, должен сигнализировать лишь об идеологическом тупике в сфере планирования и реализации этнонациональной политики в Китае. Поддержка же какой-либо стороны в этом споре, будь то отстаивание старого названия или поспешное переименование Тибета в Сицзан на русском языке, выглядит контрпродуктивной и в чем-то даже нелепой.

Библиографический список

Маявин В. В., Казанцев А. Е. Верховенство мнимости // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 120—138.

Михалев М. С. Великий восточный лимитроф: трансграничные народы в государственной политике России и Китая / Научный совет РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений; Российский государственный гуманитарный университет. М.: ИДВ РАН — Восточная литература, 2022.

Михалев М. С. Этнонациональная политика КНР: эволюция базовых принципов // Российское китаеведение. 2024. № 2 (7). С. 42—58.

Информационные ресурсы и агентства

Global Times <https://www.globaltimes.cn/>

Sinical China <https://www.sinicalchina.com/>

Tibetan Review <https://www.tibetanreview.net/>

Times of India <https://timesofindia.indiatimes.com/>

Агентство ТАСС <https://tass.ru/>

Экспертно-аналитические центры и государственные агентства

The State Council of the People's Republic of China <https://english.www.gov.cn/>